

Анри Лефевр

ИДЕИ ДЛЯ КОНЦЕПЦИИ НОВОГО УРБАНИЗМА*

«Нет человека на земле, которому не мог бы оказать помощь Архитектор; именно ему дана способность освобождать от несчастий. Гениальный человек создаст из камня, глины множество жилищ, которые будут радовать своим разнообразием. Посмотрите на все, чем вы ему обязаны; он радуется вашим органам чувств, дает пищу вашим идеям, сосредоточивает их на всем, что делает их прекрасными. Он предохраняет страдающее человечество от зол, которые его осаждают. Соперник бога, который сотворил круглую громаду, он сделает больше, чем тот: он ее обработает; он завершит воздвижение гор, которые пугают робких; пророе русла потоков, чтобы могли свободно течь прозрачные воды; он украсит пустыни. Возвышая человека над самим собой, он распространит полезные знания, будет черпать в сокровищнице философии, погребенной под тяжестью варварского века, истинное богатство, которое придаст блеск веку нашему, заново прославив род человеческий. Соединяя хижины с дворцами, невежество со знанием, сколько новых средств ты нам готовишь!»

Клод Никола ЛЕДУ

В городах, порожденных ясными и рациональными конструкторскими замыслами, современный человек оказывается перед необходимостью создавать элементы живого организма. Перед ним стоит проблема жизни и созидания.

Эту проблему новых городских ансамблей можно сравнить с проблемой, стоящей перед биологом или биохимиком в лаборатории. Тот хочет создать биологическую жизнь, мечтает о достижении такой теоретической задачи, в этом смысл его исследований. Он стремится создать ее, используя необработанные материалы, либо вещества, подвергшиеся определенной естественной переработке. Если он не может создать в пробирке *ex nihilo* (из ничего – лат.) живую субстанцию, он надеется приблизиться к этому научному пределу и когда-нибудь его достичь.

Равным образом можно представить себе кибернетика, который развивает свой инструментарий в направлении мыслительных операций, в том числе недоступных для мыслящих существ. Он также надеется создать «мысль мыслящую». Некоторые полагают, что эта цель ныне уже достигнута.

Человек творит в двух различных формах: одна из них – спонтанная, естественная, слепая, бессознательная, другая – интенциональная, рефлексивная, рациональная. Фундаментальная проблема сегодня во всех областях – дать возможность второму типу созидания догнать первый и превзойти его.

* *H. Lefebvre. Du rural à l'urban. Propositions pour un nouvel urbanisme. P., 1970. P. 183-195. Revue: Architecture d'aujourd'hui. 1967. № 132.*

© Центр Фундаментальной социологии, 2002 г.

© Эфиров С., 2002 г.

Социальные сообщества, народы и нации, спонтанно создали исторические города, которые живут своею жизнью с более или менее глубокими корнями. Проблема нового урбанизма в философской постановке заключается в целенаправленном и рациональном созидании (не без необходимости преодолевать некоторые ограниченные формы разума) социальной жизни, равной или более высокой, чем жизнь, порожденная историей. Можно предположить, что эта проблема будет разрешаться путем последовательного приближения, нащупывания, исправления ошибок, что нисколько не исключает скачков, являющихся результатом гениальных инициатив, изобретений или открытий. То, что мы – хозяева жизни, здесь, как и в других случаях, должно выражаться в конструировании жизни.

С научной (то есть, в данном случае с *социологической*) точки зрения отрицательный опыт может иметь такое же и даже большее значение, чем положительный. Неудача может иметь такой же, даже больший интерес, чем ограниченный успех, если она выявляет недостатки используемой гипотезы и дает позитивный опыт, более широкий и, может быть, решающий.

В случае городских ансамблей речь идет об опыте мирового уровня, одной из первых акций такого рода (наряду с исследованиями по ядерной физике, космической баллистике, биохимии, электронике и кибернетике).

Так вот, очевидна неудача (более или менее глубокая, более или менее признаваемая) на мировом уровне. Теперь нам надлежит выявить значение этого огромного отрицательного опыта. Посредством критической мысли, философской, социологической, методологической, более всеохватывающей, чем простые технологические соображения. Такие методологические размышления должны поставить под вопрос, кроме всего прочего, примат технического подхода.

* * *

Городские ансамбли, особенно самые большие, демонстрируют в действии *аналитическую мысль* (или, если угодно, чисто аналитический разум), доведенную до крайних пределов.

Эта мысль различает и разделяет все, что может различаться и разделяться в реальности (человеческой, социальной, исторически произведенной общественными группами). Она соответствует, с одной стороны, практической и теоретической деятельности, которая приводит к крайнему разделению труда – иначе говоря, к парцеллярному и специализированному труду – в промышленном производстве, как и в научных исследованиях и художественном творчестве. С другой стороны, она соответствует аналитическому методу, который открывает простое в сложном и стремится воссоздать сложное из простого. Слово «соответствует», употребленное здесь, не совсем точно. Это тот самый аналитический метод, постоянно совершенствуемый, начиная с Декарта, который все еще используется во всех областях, хотя и оспаривается в теоретическом плане многими крупными течениями современной мысли.

Этот аналитический метод и эта мысль являлись и все еще являются исключительно эффективными. Именно поэтому они стали и остаются формой мышления технических специалистов, наиболее продуктивных, в наибольшей мере озабоченных быстрым достижением действенных результатов. По-видимому, мысль и общество должны были пройти через это. Более того, этот период с его позитивными и негативными сторонами еще не кончился. Нельзя приписывать эффективность и крайности аналитической мысли какому-либо политическому режиму, идеологии, определенному обществу, как и достоинства и недостатки предельной специализации труда. Все идет так, как если бы это было необходимым этапом познания и всеобщим императивом деятельности.

Это отнюдь не означает, что мы не должны ставить перед собой как важнейшую задачу превзойти эту форму мысли и эффективности. Прежде чем постичь реальность и живое, чтобы их понять и определить, наша мысль начинается с их расчленения; она выделяет

их элементы, умерщвляет их. После чего приходит потребность в единстве, иначе говоря, в «синтезе», которую сопровождает потребность в созидании. Прежде чем оказаться в состоянии созидать реальность, мы проходим через ее расчленение, анатомирование, одним словом, – через анализ. Только потом, проведя анализ настолько глубоко, насколько возможно, мы можем приступить к осуществлению более высокой задачи.

Нельзя, таким образом, упрекать только технических специалистов, использующих аналитический метод, в том, что они выступают в этом амплуа со всеми его заблуждениями. Быть может, эти «заблуждения» и «крайности» сами по себе имеют глубокий смысл. Вопрос сейчас в том, не пришло ли время поставить под сомнение преобладание аналитической мысли.

* * *

В крупных городских ансамблях, рассматриваемых в рамках ничем не ограничиваемого аналитического и технического подхода, наблюдается доведенное до крайних пределов расслоение.

Аналитическая мысль выделила в этой сфере (проецируя на нее в некоем подобии спектрального анализа сложную социальную структуру исторического города или техническую иерархию тех или иных предприятий) социальные условия рабочих, управленческого персонала, кадров и высших кадров, людей свободных профессий и т.д.

Она разделила людей по возрасту и полу. Известно, насколько общественная жизнь новых городских ансамблей страдает от неучастия в ней молодежи и пожилых людей. Все происходит так, как если бы живое человеческое сообщество предполагало единую совокупность всех возрастов в их взаимоотношениях, от детства до старости. Известно также, что производственная незанятость женщин и постоянные переходы мужчин с работы на работу заканчиваются в некоторых случаях своего рода сексуальной сегрегацией. Те идеи, которые мы здесь выдвигаем, не новы, изучались различными социологами. Единственно новое здесь – связь этих фактов с аналитической мыслью, трактуемой как характерный фактор, одновременно удивительно эффективный и ужасающе негативный.

Это далеко не все. Тот же фактор дал возможность выделить то, что представлялось в живом организме старого города (спонтанного или исторического) как единое целое – функции.

На всех уровнях – на уровне жилища, дома, соседского сообщества, квартала, города в целом – функции, совершенно иначе выглядевшие в спонтанном городском организме, оказались дифференцированными и обособленными. Это – функции обмена, оборота, труда, культуры, досуга и т.д. Архитекторы и урбанисты осуществили во времени и пространстве анатомический и гистологический анализ старого города (спонтанного или исторического).

* * *

Новые городские ансамбли оцениваются весьма противоречиво – то с преувеличенной восторженностью, то жестко и сурово.

Не ссылаясь на источники, вспомним, что, по мнению апологетов, крупные городские ансамбли представляются уже сейчас как «лучезарные города», являющиеся предвестниками будущего общества потребления и досуга, где труд станет автоматическим, где машины полностью заменят людей, где техническое будет естественно подчиняться человеческому.

Для других новые городские ансамбли, напротив, являются симптомом того, что технико-бюрократическое общество начинает создавать свою среду. Оно пространственно воплощает фундаментальный принцип отчуждения и принуждения. Новые городские ансамбли предвещают концентрационную организацию повседневной жизни. Новый город (скажем, первый приходящий на ум город – Бразилиа) оказывается инструментом и

микрокосмом бюрократического «Weltanschauung» (мировоззрения) с его интеграционной техникой (которая, впрочем, терпит неудачу, вызывает молодежные бунты, сохраняет разделение людей, сводит их активное участие в общественной жизни к простому просмотру телевизионных спектаклей, кино и т. д.).

Более разумно ограничиться здесь определением научного и практического смысла разделения людей и функций, существующего в городских ансамблях. Их можно сравнить с анатомическими картами и гистологическими срезами, где время – созидатель и разрушитель – остановилось, но продолжает существовать нечто, независимое от жизни и времени. Познание социальной (городской) реальности представляет интерес, аналогичный тому, который представляют эти карты и срезы для научной биологии и медицины. Перед нами, застывшее, искаленное, мертвое, но зафиксированное и проанализированное, а потому и доступное познанию нечто, что было жизнью городов, великолепной и неуловимой в ее бесконечной сложности. Нам предстоит расшифровывать эти карты и срезы, а не плакаться по поводу потери того, что наша мысль рассекла и расчленила.

Может быть, подвергая сравнительному исследованию городские ансамбли (сравнивая их друг с другом и со старыми городами), можно описать наличные функции, классифицировать их, иерархизировать, стремясь достичь окольным путем того, что исчезло в настоящее время, а именно – жизненной спонтанности? Вполне возможно. Мы выделим тем самым *унифункциональные объекты* (например, какое-нибудь помещение, которое используется только раз), *мультифункциональные объекты* (например, кафе, ларьки, рынки в качестве мест встречи и ячеек коллективной жизни, мест торговли и обмена услугами) и, наконец, *трансфункциональные объекты* (например, памятники, которые несут определенные функции и, кроме того, имеют символический, эстетический, культурный, и даже космический характер, несводимый к функциональности).

Таким образом, анализ действенно осуществляемых функций в новых городских ансамблях, их описание и классификация должны последовательно воссоздать связи и взаимодействия, иначе говоря, мало-помалу воссоздать живой организм. Не без трудностей, ощупью, посредством исправляемых ошибок, мы последовательно приближаемся к цели. Новые города можно рассматривать как социологические лаборатории не только в смысле фактов, но и в том, что касается создания и воссоздания жизни.

Такая же терпеливая работа над синтезом позволила бы, согласно этой гипотезе, найти точные различия между терминами, которые аналитическая мысль имеет склонность смешивать, чтобы сгладить собственные крайности. Например, между понятиями *форма*, *структура*, *функция*. Известно, что нынешний функционализм их смешивает в своих нередко поспешных разработках, притом подчиняя их одному единственному термину, трактуемому односторонне и, можно сказать, преувеличенно, термину – *функция*.

Создание мультифункциональных или даже трансфункциональных сооружений стоит, таким образом, в порядке дня обновленного урбанизма. Это тезис, который конкретизирован в скромном, но реалистическом проекте бистро-клуба, созданном и представленном благодаря усилиям Синдиката архитекторов Сены – С.А.С. Каким бы скромным он ни был, этот проект мог бы стать вехой в современном урбанизме. В самом деле, он ставит новый метод на место старого метода мысли и деятельности. Он заменяет аналитическую мысль мыслью, которая использует ее достижения и результаты, но является более синтетической, сложной и гибкой. Чтобы уточнить это утверждение, скажем, что эта замена находит аналогию в современной организации труда и производства, когда парцеллярное разделение труда, доведенное до крайних пределов, которое дробит производственный процесс, заменяется производством в форме *непрерывного потока*. Такой процесс производства, каким он выступает на самых современных промышленных предприятиях (например, в Лаке, где он сочетается с новым городом – Мурен), почти полностью, если не целиком, автоматизирован. Вот почему научная мысль должна рассматривать его и управлять им в его целостности, как единым процессом – от сырья к готовой продукции. Здесь возникает крупное автономное целое; как это ни парадоксально, промышленное производство

восстанавливает тут, поднимая на более высокий уровень, некоторые характерные черты первоначального производственного процесса, утраченные на пути его развития – единство, целостность, внутреннюю связанность, которые были свойственны сельскому хозяйству и ремесленному производству. Будучи автономным творческим целым, оно создает из природных материалов продукт высокой обработки. Вооруженная новейшими средствами техническая мысль в промышленности получает новое направление и смысл – более синтетические, более сложные, ставя при этом новые проблемы. По нашему мнению, в этом заключается очень важное указание, обозначение нового периода, поворотного пункта в эффективной мысли. Короче говоря, мы призываем архитекторов и урбанистов, в свою очередь, повернуть в этом направлении и учесть требования нового периода. Разрыв между концепцией нового города и концепцией производственной целостности в Лак-Мурене поистине поразителен. Может быть, дело здесь в кредитах? Несомненно, но не только в кредитах...

Эта аналогия может служить руководящей нитью для размышления. Для умов, жаждущих эффективности, она покажется более конкретной, чем предшествующие соображения. На деле же речь идет об одной и той же идее, сформулированной двумя несколькими различными способами.

* * *

Негативное и деструктивное воздействие новых городских ансамблей нужно изучать социологически самым тщательным образом. Что исчезло? Какая часть социабельности и социальной спонтанности утрачена?

Социологическое наблюдение быстро обнаруживает глубину этого негативного воздействия. Былые отношения, которые восходили к источникам человеческой социабельности, кровные и соседские связи, которые в течение стольких веков служили опорой и делали привлекательной общественную жизнь, пусть весьма двойственно и ограничено, но мощно, рушатся. И ничто их не заменяет. Эти аспекты рассматриваемых явлений легко выявляются посредством техники анкетирования, полезного, но элементарного и упрощающего, которое не идет дальше поверхности явлений. Достаточно точная и, несомненно, научная, эта техника не в состоянии выявить весь драматизм ситуации. Чтобы вскрыть его, необходим теоретический подход.

В новых городских ансамблях отсутствие спонтанной и органичной общественной жизни доходит до полной «приватизации» существования. Люди уходят в семейную, «приватную» жизнь. И такой уход наблюдался повсеместно в последние годы в высоко развитых индустриальных странах, там, где не ставились открыто и публично политические проблемы. Форма существования людей в крупных городских ансамблях доводит до предела общую тенденцию. К несчастью, из-за большого количества детей и демографической структуры, свойственной новым городским ансамблям, из-за звукопроницаемости стен и перекрытий, из-за шума, из-за неумеренного потребления контролируемых «масс-медиа» (особенно телевидения), играющих роль наркотиков, из семейной жизни исчезает интимность. Пропадает то, что в ней ищут. «Приватная» жизнь вязнет в промискуитете, исчезает в потоке шумов и поверхностной информации. Происходит драматическое превращение ее в «приватную жизнь» в самом крайнем смысле слова, иначе говоря, в состояние лишенности и фрустрации, которое терпят, подчиняясь своего рода общественному, человеческому оцепенению.

Опросные анкеты плохо отражают эту драматическую ситуацию. Техника анкетирования включает вопросы, ответы на которые «используются» так, как нужно. Люди плохо осознают положение, в котором находятся, без ясного осознания борются против него и в результате отрицают наличие такого положения. Это отрицание и непризнание являются частью защитных механизмов сознания.

Расхождение между анкетами более показательны, чем сами анкеты. Так, в Лак-Мурене во время анкетирования, проводившегося под официальным патронажем предприятий, созданных в этом комплексе, только 12% респондентов заявили, что хотят покинуть новый город. Когда же проводилось независимое анкетирование, 58% участников дали аналогичный ответ, полагая, что недостатки нового города более важны для них, чем преимущества (относительный комфорт жилищ и т. п.).

Перейдем к другому аспекту проблемы. Новые городские ансамбли погубили *улицу*. Это хорошо известно. Тем самым они выявляют ее значение. Если в современных городах улица более не является тем, чем она была в средневековых или античных городах, иначе говоря, не является основой социальности, но она и не стала, тем не менее, просто местом для пешеходов и уличного движения, просто промежутком между местом работы и жилищем. Она сохраняет собственную реальность, специфическую и самобытную жизнь. С другой стороны, современные проблемы автомобильного движения имеют тенденцию делать улицу преимущественно проездом. Однако они не должны скрывать ее социального значения и ценности. Улица вырывает людей из состояния изоляции и дефицита общения. Спонтанный театр, место игр без четких правил и тем более интересных, место встреч и многочисленных побуждений – материальных, культурных, духовных – улица оказывается необходимой.

Новый урбанизм должен восстановить значение улицы в целостности ее функций, а также в ее трансфункциональном, то есть эстетическом (как экспозицию различных обычных и необычных предметов) и *символическом* значении. То, что некоторые социологи называют *семантическим полем*, состоящим из символов, различных знаков и сигналов, должно быть восстановлено – лучше сознательно, чем стихийно. А ведь в новых городских ансамблях семантическое поле, рассматриваемое как совокупность значений, сводится к сигналам, определяющим условия и поведение. Даже здания принимают форму сигнала и являются, так сказать, суммой сигналов.

Восстановление семантического поля не может быть отделено от пересмотра проблемы *памятника*. Памятник, строение или какой-либо изолированный объект не могут сводиться к сигналу той или иной интенсивности. К тому, во что превращает их интегральный функционализм. Истинный памятник обладает неисчерпаемым значимым и символическим характером. Он не раскрывается сразу наподобие стимула того или иного обусловленного действия. У него множество *смыслов*.

Точно так же новые городские ансамбли пренебрегают, ухудшают или разрушают *игровой элемент*, присущий спонтанной общественной жизни. Их создатели не видели функций игры и в еще меньшей степени – ее трансфункциональной реальности и ценности. Когда они отдают себе отчет в этом и включают в свои проекты площадки для игр, они располагают в пространстве и времени игровой элемент. Тем самым, они обнаруживают, что игра возникает повсюду, спонтанно, естественно: на улице (витрины, к которым «липнут»), в обменных операциях (сравнение вещей, расчеты, выбор, трудность которого служит поводом для своего рода игры), в разговорах и т. п. Игровой элемент предполагает удивление, неожиданность, информацию. Он придает смысл улице, создает его.

Он кристаллизуется в собственно играх с соответствующими правилами (шахматы, карты и т.п.), которые проходят в специально отведенных местах, в частности, в бистро. Но в менее формальном и более глубоком смысле игра обладает своего рода жизненной вездесущностью, связанной с прирожденными проявлениями спонтанности и социальности. Это не что иное, как некое жизненное, поэтическое измерение.

Признав это измерение, приняв идею воссоздания на более высоком уровне спонтанной жизни, можно открыть путь творческому воображению. Функционализм, несмотря на свои достоинства, и гипертрофированный аналитический подход тормозили воображение. Мы знаем, что необходимо было пройти через это, Сегодня, оставляя позади этот период, чтобы пойти дальше, можно требовать реабилитации *утопизма*. Эта реабилитация происходит уже сама по себе. Достаточно увидеть интерес, с каким сегодня

читают произведения Леду, непосредственного предшественника Фурье. Оба, архитектор и социолог, создавали свою утопию на тему осуществления желаний по ту сторону функций и потребностей.

Утопическое воображение вводит революционный фермент в концепции, освобождающие от реализма, функционализма, формализма.

Именно так можно представить себе новый город, организационными ядрами которого были бы игровые площадки и залы, театры, кино и кафе, окруженные бульварами и парками, вокруг которых группировались бы жилые кварталы и места работы. Утопия? Безусловно.

Точно так же можно представить улицу, оживленную магазинами и лавками, сгруппированными на манер арабских рынков, под которыми идут машины, и над которыми возводятся здания подходящих форм.

* * *

Из всего сказанного вытекает, что когда предлагается множество решений проблемы урбанизма, желательнее предпочесть *переделку* старых городов (с помощью современных средств), используя основные направления уличного движения, функциональные здания, памятники. Это решение в настоящий момент представляется более предпочтительным, чем строительство отдельных самостоятельных ансамблей. Известно, к тому же, с какими трудностями сталкивается последнее, в частности в том, что касается стоимости земельных участков.

Существующие ансамбли могут быть улучшены. Можно, однако, задать вопрос, не требуется ли более радикальных мер для восстановления необходимых условий социальности. Не следует ли предусмотреть глубоких трансформаций повседневной жизни, бедой которой развертываются у нас на глазах, когда моральный порядок чисто механически добавляется к логическому, техническому и функциональному порядку, обычно принимаемому за основу?

Конечно, эти проблемы будут разрешены только, когда к ним приложат столько же усилий, денег, знаний и творческого гения, как к ядерным исследованиям или к исследованию космоса. И мы возвращаемся здесь к утопии, к мечте об ее осуществлении.

Изучение проблемы крупных городских ансамблей слишком хорошо показывает, как до сих пор делается выбор, основанный на принципе наименьшей стоимости человеческой жизни

Социология только начала изучение *социальных потребностей*. Это потребности, ощущаемые в качестве таковых большими группами людей, ответственность за которые в силу экономического и культурного развития берет на себя общество в целом. Примеры: социальное обеспечение, нужды старости и юношества и т. д.

До сих пор эти социальные потребности мало изучены. Известно только, что они не сводятся к биологическим и физиологическим потребностям (хотя их включают), к собственно экономическим потребностям, к совокупности индивидуальных потребностей. Они предполагают их удовлетворение, но охватывая их, добавляют к ним нечто специфическое. Социальные потребности – это потребности индивидов и групп, рассматриваемые с учетом уровня культуры и цивилизации, достигнутого обществом в целом с его специфическими чертами и самобытностью (в каждой стране).

Между социальными потребностями и другими формами потребностей существует постоянное взаимодействие и переходы. Например, сейчас уже немислимо строительство жилищ без водопровода и центрального отопления. Существование предпринимателей, которые производят товары длительного пользования, приспособленные к нуждам строительства, делают маловероятными, если не невозможными, такие пробелы. То, что мы говорим о водопроводе или о ванной комнате можно распространить и на звукоизоляцию жилищ. Проблема в том, чтобы опережать, предвидеть, упорядочивать (планировать)

взаимосвязь таких вещей, вместо того чтобы оставлять все на самотек и позволять реальному положению опаздывать относительно потребностей.

Среди социальных потребностей мы можем упомянуть потребность в безопасности, потребность в непредвиденном, в информации и удивлении, игровую потребность, потребность в «приватной» интимности среди множющихся социальных контактов и отношений. Исследования могут обнаружить в сфере этих потребностей противоречия и конфликты, что будет непрерывно ставить все новые проблемы. Реалистический подход может и должен исходить из таких исследований и из этих проблем, находясь за пределами утопического воображения, которое нужно сохранять и беречь.

Перевод с французского С. А. Эфирова